СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ РАСПОРЯЖЕНИЯ В ОТСУТСТВИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ЛИБО СОГЛАСИЯ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА, ОРГАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ИЛИ ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Буднецкий Н. С.

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Московский государственный лингвистический университет (Россия), 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38, nikolay_budnetskiy@rbcmail.ru

УДК 347.13
ББК 67.404.04

Цель. Изучение и конкретизация правовых последствий распоряжения в отсутствие полномочий либо согласия с учетом опыта зарубежного законодателя и в целях поддержания «минимальной справедливости» при распределении бремени и предмета доказывания по таким делам.

Методы. На основе сопоставления сфер применения общих и специальных норм гражданского законодательства о согласии и превышении полномочий выявлена субъектная и предметная направленность данных разрозненных законоположений (обеспечение интересов «принципала», общества, его акционеров и проч.), после чего уже сгруппированные нормы («общие», «корпоративные» и т.д.) сопоставлены с правилами английского, немецкого и австрийского законодательства, имеющими ту же функцию.

Результаты. Предложена предварительная типология норм российского права о согласии и превышении полномочий и отмечены направления дальнейшего развития гражданского законодательства, в частности, необходимость конкретизировать понятие «знания» о наличии ограничений (отсутствии согласия, выходе за пределы полномочий).

Научная новизна. Заключается в том, что автор рассматривает проблематику согласия или выхода за пределы полномочий как часть теории права собственности, а именно, ограничения правомочия распоряжения, что предоставляет мощный теоретический фундамент для дальнейшего логичного выстраивания соответствующего российского законодательства, в том числе, с учетом достижений английской доктрины агентирования.

Ключевые слова: Распоряжение, согласие, полномочие.

A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CONSEQUENCES OF DISPOSAL IN THE ABSENCE OF AUTHORITY OR CONSENT OF A THIRD PERSON, A BODY OF A LEGAL ENTITY OR A MUNICIPAL BODY

Budnetskii N. S.

Teacher of the Department of Civil Law, Moscow State Linguistic University (Russia), 119034, Russia, Moscow, 38/1, Ostozhenka str., 38/1, nikolay_budnetskiy@rbcmail.ru

Purpose. Review and specification of the legal consequences of disposal in the absence of authority or consent, taking into account the experience of the foreign legislator and in order to maintain the “minimum fairness” in the distribution of the burden of proof and determination of what is to be evidenced in such court cases.

© Буднецкий Н. С., 2018

Methods. On the basis of comparison of the spheres of application of general and special norms of civil legislation on consent and exceeding of authority, the author crystallized the subject and object orientation of quite dispersed legal provisions (securing the interests of the "principal", of the company, its shareholders, etc.), after which the ready-classified norms ("general", "corporate", etc.) were compared with the rules of English, German and Austrian legislation, having the same function.

Results. A preliminary typology of the norms of the Russian law on consent and exceeding of authority was suggested as well as directions for the further development of civil legislation were pointed out, in particular, the need to specify the notion of "knowledge" about the presence of restrictions (lack of consent, going beyond powers).

Scientific novelty. It consists in the fact that the author considers the problems of consent or exceeding of powers as part of the theory of property rights, namely, the restriction on disposal, which provides a rich theoretical basis for the further logical development of relevant Russian legislation, including, by taking into account the achievements of the English agency doctrine.

Key words: disposal, consent, authority.

Разнообразие и практичность правовых последствий признания сделки недействительной, с одной стороны, и его сложность с учетом необходимости доказать феномен «знания» другого лица, с другой стороны, привлекают внимание исследователей к случаям распоряжения в отсутствие полномочий либо согласия [1].

Случаи ограничения распоряжения посредством требования о согласии, в частности, органа местного самоуправления, весьма многочисленны: это установление сервитута в отношении земельного участка в муниципальной собственности, передача прав и обязанностей по договору аренды земельного участка (в том числе, путем субаренды или в отношении лесного земельного участка). Наличие согласия муниципального органа частично доказывает правомерность торгов, на которых произошло распоряжение недвижимостью [2]. К аргументам об отсутствии согласия и, следовательно, требованию о признании сделки недействительной муниципалитеты также прибегают в спорах из инвестиционных контрактов [3]. Вопрос о полномочиях органов и представителей юридических лиц, которым муниципалитеты предоставляют земельные участки, также становится предметом судебных разбирательств (например, в связи с тем, что эти сделки являются «крупными» или «с заинтересованностью»).

Еще более актуальным изучение данной проблематики стало в контексте появления в российском законодательстве актов толкования права, содержащих разъяснения касательно распределения бремени доказывания и его предмете [4] при оспаривании распоряжения без полномочий либо согласия. Хотя данная тематика и не является совершенно новой [5], до сих пор не создан общий теоретический фундамент для многих разных ситуаций распоряжения без полномочий либо согласия, а это позволило бы логично кодифицировать эти случаи и закрепить в законе критерии, по которым определяется ответственное за нарушение лицо. До сих пор в данной сфере не учтен опыт зарубежных законодателей. Что более опасно, в отсутствие комплексного теоретического осмысления проблематики такого распоряжения возникает риск неправильного правоприменения на базе преждевременных выводов. Правоведам известно, что в данной сфере ошибки могут быть допущены с легкостью: так В. В. Витрянский уже обращал внимание на ложное представление о том, что орган юридического лица может быть его представителем, которое имело место до устранения ошибочной ссылки на п. 1 ст. 182 ГК РФ в п. 1 ст. 53 ГК РФ [6].

Споры о распоряжении без полномочий или согласия следует рассматривать как с позиции лица, в интересах которого установлено ограничение, так и с позиции приобретателя, так как последний иногда заслуживает не только денежной компенсации, но и оставления имущества за ним. Такая «минимальная справедливость» должна быть обеспечена, в первую очередь, при возложении бремени и формулировании предмета доказывания. Например, в случае неосновательного обогащения именно на приобретателе лежит бремя доказывания того, что переданное имущество не подлежит возврату. Это правило действует не только при отсутствии правового основания изначально, но и при признании сделки, направленной на переход права собственности, недействительной впоследствии [7].

В общем плане, недействительность сделки вследствие ее ничтожности или оспоримости устанавливается судом, и в последнее время такие постановления, по свидетельству специалистов, все более редки. Это направление развития судебной практики – одна из форм реализации идеи о «стабильности оборота», то есть создания у стороны уверенности в правомерности исполнения сделки контрагентом. Вместе с тем, правила о недействительности все еще актуальны

применительно к сделкам, совершенным с злым умыслом. Примером послужит передача прав и обязанностей по договору аренды земельного участка лесного фонда без согласия муниципального комитета [8] или распоряжение «лже-директором» имуществом общества [9].

Правовые последствия отсутствия согласия в диссертационных исследованиях определены как более многочисленные, нежели последствия недействительности: прекращение правоотношения, изменение правоотношения, возмещение убытков, оплата штрафа, отсутствие последствий действия, недействительность и относительная недействительность [10, с. 11].

В связи с вышеизложенным, имея в виду цель поддержания «минимальной справедливости» в весьма различных по субъектному и сущностному составу правоотношениях, требуется изучить, категоризировать и конкретизировать правовые последствия распоряжения в отсутствие полномочий или согласия, в том числе, сравнительно-правовым методом.

А. А. Овчинников, выделяя четыре состава распоряжения в отсутствие полномочия на основе ст. 173.1 ГК РФ, п. 1 ст. 174 ГК РФ, ст. 174.1 ГК РФ и п. 2 ст. 174 ГК РФ соответственно, верно отмечает, что «виды недействительной сделки являются, по сути, не более чем способами юридической констатации их недействительности, тогда как глубина правовой природы сделки остается ими не познана и не воспринята» [1]. Попытаемся развить предложенную им классификацию, сконцентрировавшись на способах, которыми можно признать соответствующие сделки недействительными.

Во-первых, это сделки, заключенные без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления (ст. 173.1 ГК РФ). Оспаривать их могут лица, управомоченные давать согласие, при условии, что другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии согласия (пп. 1, 2 ст. 173.1 ГК РФ). При распоряжении без полномочий (применительно к органам юридического лица – с описанными ниже особенностями в части п. 1 ст. 174 ГК РФ) либо согласия бремя доказывания «знания» об отсутствии ограничений возложено на лицо, в интересах которого установлено ограничение, в несколько «облегченной» форме: «при этом не требуется доказывания наступления указанных (неблагоприятных – прим. Н.Б.) последствий в случаях оспаривания сделки по основаниям, указанным в статье 173.1, пункте 1 статьи 174 ГК РФ, когда нарушение прав и охраняемых законом интересов лица заключается соответственно в отсутствии согласия, предусмотренного законом, или нарушении ограничения полномочий представителя или лица, действующего от имени юридического лица без доверенности» [11, п. 71]. Для ясности, возможно, имело бы смысл законодательно закрепить установившиеся в судебной практике критерии «знания» приобретателя о наличии таких ограничений правомочия распоряжения.

Для приобретателя по сделке естественно в данном случае аргументировать свое «незнание» о наличии ограничений. Факт «незнания» (а также отсутствия сговора) играет важную роль и в зарубежных правопорядках. Так, в английском праве наличие полномочий у агента (в терминологии континентального права – «лица, распоряжающегося без полномочий либо согласия») предполагается, а иск (в английском праве – не о недействительности, а о возмещении прямых убытков, связанных с превышением полномочий), предоставлен не принципалу (в терминологии континентального права – «лицу, в интересах которого установлено ограничение»), а третьему лицу, вовлеченному в отношения с агентом. Агент отвечает за свои действия вне зависимости от формы вины и даже при невиновности, за исключением случаев, когда третье лицо знало об отсутствии полномочий, или если договор исключал ответственность [12, с. 263].

В немецком праве действовавшее с превышением полномочий лицо (лат., falsus procurator) возмещает убытки, связанные с невозможностью исполнения договора, если «принципал» в последствии не одобрил сделку, но за исключением случая, когда третье лицо не знало о наличии ограничений по неосторожности или знало о них [13, с. 1478]. До момента одобрения сделки «принципалом» она считается относительно недействительной (нем., schwebend unwirksam), что означает, что в случае одобрения сделка изначально действительна, в отсутствие одобрения – изначально ничтожна. Именно таковы правовые последствия сделок о продаже земель сельскохозяйственного назначения, проведенных без согласия муниципального органа [13, с. 1384].

Опыт немецкого законодателя мог бы быть внедрен в российское регулирование распоряжения имуществом в муниципальной собственности в той части, что приобретатель обязан возместить убытки и вернуть полученное, если он не осведомился о наличии согласия муниципального органа по неосторожности.

Если необходимость получения согласия на распоряжение установлена корпоративным договором, то бремя доказывания согласно российскому праву несет участник корпоративного договора, в пользу которого установлено ограничение: заявляя о недействительности, он обязан доказать, что другая сторона сделки знала или должна была знать об ограничениях (абз. 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ). Представляется, это весьма сложно с учетом конфиденциального характера соглашения (п. 4 ст. 67.2 ГК РФ).

Хотя в названии ст. 173.1 ГК РФ употреблен термин «недействительность», российский законодатель предписывает ряду сделок иные последствия, отличные от недействительности, в корреспондирующих специальных нормах. В них на сегодня не назван ни полный перечень «иных» последствий, ни их характеристики. Юристов и суды, видимо, ориентируют на самостоятельное определение полного круга «иных» последствий применительно к каждой сделке, которой закон определяет хотя бы одно «иное» последствие.

Так, «иные» последствия имеют случаи распоряжения долями в обществе с ограниченной ответственностью без согласия других участников или общества, требуемого по уставу (ст. 21 Закона об обществах с ограниченной ответственностью). Оно влечет передачу доли обществу, при которой оно выплачивает бывшему участнику-нарушителю действительную стоимость этой доли. На сегодня сделка нарушителя и третьего лица действительна, как и до введения в действие ст. 173.1 ГК [14, 15], что не соответствует зарубежному опыту.

Согласно комментариям к § 16 Закона ФРГ о ГмбХ, «в первую очередь не защищается добросовестное убеждение в том, что участники могут свободно распоряжаться долей без согласия общества и остальных участников», «отсутствие согласия общества или других участников может повредить действительности передачи» [16]. Австрийское законодательство в данной части выглядит более либеральным, и согласно ст. 77 Закона Австрии о ГмбХ суд имеет право утвердить переход доли в отсутствие требуемого по уставу согласия, если, среди прочих критериев, переход не вредит интересам общества, других участников и кредиторов.

Еще одним примером специальных последствий совершения сделки без согласия является п. 3 ст. 73 ГК РФ: «товарищество вправе по своему выбору потребовать от такого участника возмещения причиненных товариществу убытков либо передачи товариществу всей приобретенной по таким сделкам выгоды».

Следовательно, не всякая сделка, заключенная без согласия, недействительна согласно российскому законодательству. Нельзя поэтому с учетом упомянутых норм российского законодательства полностью согласиться с выводом о том, что согласие является одним из «обязательных условий действительности сделки» и «необходимым условием правомерности перехода прав по таким сделкам» [17, с. 11]. Вместе с тем, с учетом зарубежного опыта, именно в этом направлении следовало бы совершенствовать российское законодательство.

Отметим, что в сфере применения ст. 173.1 ГК РФ можно по различным критериям выделять различные группы случаев, например, по критерию воздействия на интересы «принципала»: (а) когда сделка создает права и обязанности для «принципала» (например, применительно к сделкам общества-банкрота, не одобренным управляющим в стадиях наблюдения и финансового оздоровления) или (б) когда «принципал» не приобретает никаких новых прав или обязанностей, но стороны сделки, не испросив согласия, затронули его интересы (случаи отсутствия согласия органа местного самоуправления на субаренду, передачу прав и обязанностей по договору аренды).

Во-вторых, распоряжение возможно с выходом за пределы полномочий представителя или действующего без доверенности органа юридического лица (п. 1 ст. 174 ГК РФ). Эта норма применяется в качестве специальной по отношению к норме ст. 173.1 ГК РФ, но с одной важной оговоркой, обусловленной возможностью третьего лица самостоятельно или по запросу ознакомиться с полномочиями представителя физического лица или органа юридического лица. В частности, установлено, что «третьи лица, полагающиеся на данные ЕГРЮЛ о лицах, уполномоченных выступать от имени юридического лица, по общему правилу вправе исходить из неограниченности этих полномочий» [11, п. 22]. Как и в случае с распоряжением без согласия, «бремя доказывания того, что третье лицо знало или должно было знать о таких ограничениях, возлагается на лиц, в интересах которых они установлены».

На практике суды иногда облегчают задачу пострадавшего «принципала», толкуя порядок реализации требования о недействительности в том смысле, что пострадавшему достаточно заявить о том, что приобретатель не запросил баланс или устав общества, не потребовал справку о том, что никаких ограничений на распоряжение не существует [18]. Таким образом, факт наложения бремени доказывания на пострадавшее лицо порой корректируется сравнительной легкостью его успешной для пострадавшего лица реализации.

С другой стороны, если ограничивающее распоряжение документы запрошены, но не были предоставлены, то сделка не может быть признана недействительной по иску «пострадавшего», так как в таком случае есть риск злого умысла между «пострадавшим принципалом» и «агентом». Например, в обществе, где образован единоличный исполнительный орган, состоящий из двух директоров (ст. 65.3 ГК РФ), их полномочия могут быть конкретизированы не в уставе, доступном третьим лицам, а в конфиденциальном внутреннем регламенте общества, предоставление которого на практике возможно лишь по решению суда.

С учетом иностранного опыта, правильнее было бы не возлагать во всех случаях бремя доказывания и задачу обосновать феномен «знания» о существовании ограничений на лицо, в чьих интересах

установлено ограничение, а закрепить в законе критерии обоснованного предположения о виновности «принципала», «агента» или третьего лица, после чего уже возложить бремя ответственности на отвечающего этим критериям субъекта.

Если же документы были предоставлены, и из них следовали ограничения, но распоряжение все же состоялось, то стороны вернут друг другу все полученное и возместят убытки: как было указано выше, сделки, совершенные с злым умыслом, в данном случае будут считаться ничтожными (п. 2 ст. 168 ГК РФ).

Для случаев распоряжения без согласия, если сделка являлась крупной сделкой или сделкой с заинтересованностью, предусмотрены специальные правила о предмете доказывания [19, п. 3]. Добавим лишь, что Верховный Суд РФ в настоящее время делает шаги в направлении предоставления бенефициарам обществ права оспаривать сделки с заинтересованностью [20].

В-третьих, распоряжение без полномочий возможно в случаях нарушения законного запрета или ограничения на распоряжение имуществом (ст. 174.1 ГК РФ). В частности, данная статья содержит ссылку на Закон о банкротстве, и примером его применимой нормы может послужить п. 2 ст. 126: «С даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства прекращаются полномочия руководителя должника». Например, после открытия конкурса в отношении должника кредитор может потребовать признать ничтожным распоряжение генерального директора должника о получении выплаты по банковской гарантии за нарушение договора кредитором. Представляется, что возможным правовым основанием будет п. 4 ст. 1 ГК РФ о невозможности извлекать преимущество из незаконного или недобросовестного поведения.

Подводя итог рассмотрению указанных норм о распоряжении в отсутствие полномочий либо согласия, следует отметить, что в контексте защиты гражданского оборота «принципалам», подающим заявление о признании распорядительной сделки недействительной, предстоит доказать феномен «знания» третьего лица о наличии ограничений. Такая задача видится сложной, а с учетом конфиденциального характера корпоративного договора и невозможности для «принципала» установить многие фактические обстоятельства сделки – подчас невыполнимой.

В этой связи видится более логичным возложить по общему правилу бремя доказывания «знания» третьего лица об отсутствии полномочий или согласия на распоряжающееся лицо (в англо-саксонской правовой терминологии – «агента»): арендатора лесного земельного участка, главу местной администрации, генерального директора, поверенного и т.д., которые могли нарушить нарушили правила о получении согласия. Законом должны быть установлены критерии, которые освобождают такого «агента» от ответственности.

Наконец, следует упомянуть определенный резервный состав распоряжения без полномочий либо согласия, а именно, распоряжение имуществом в нарушение обязанности, возложенной общими принципами гражданского права, например, добросовестности или разумности.

В частности, в случае нарушения антикоррупционных положений, договор, направленный на выплату взятки, как посягающий на публичные интересы и поэтому ничтожный согласно п. 2 ст. 168 ГК РФ, не должен был бы повлечь возврат всего полученного «агентом-взяткодателем» по сделке в том случае, если приобретатель докажет согласно п. 4 ст. 1109 ГК РФ, что «принципал» знал о направленности договора на дачу взятки, т.е. знал об отсутствии обязательства. Такое знание на практике доказать крайне сложно, не говоря уже о моменте, когда для целей исчисления исковой давности у оспаривающего лица появилось «знание» о том, что исполняется ничтожная сделка (ст. 181 ГК РФ).

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, в отсутствие понимания общей системы последствий признания сделки недействительной можно предположить, что законодатель придает этой конструкции три функции: запретить сделку (при ничтожности); указать, какие именно лица вправе оспорить сделку (при оспоримости) и, в обоих случаях, несколько облегчить доказывание для пострадавшего лица за счет снятия обязанности обосновывать причинно-следственную связь, свойственную причинению вреда или убытков. При этом в случае оспоримости успех требования существенно зависит от фактических обстоятельств дела и содержания актов толкования права, то есть практически не предсказуем.

Во-вторых, признание совершенной без полномочий либо согласия сделки, направленной на переход права собственности, действительной или недействительной, имеет бо̀льшее значение для поддержания публичного порядка, нежели чем для частного права. Возлагая бремя доказывания на «принципала», законодатель упускает возможность сформировать доказательственную базу о возможном сговоре между «агентом» и третьим лицом.

В-третьих, в законодательстве должен быть разработан действенный механизм гражданско-правовой ответственности, который сделал бы получение благ путем обмана или без адекватного встречного предоставления невыгодным. Среди прочего, должен быть проведен всеобъемлющий анализ практики распоряжения с ограничениями лицами, имеющими фидуциарные обязанности (директора), и самостоятельными представителями (поверенными, агентами), после чего

в законодательстве должны быть детально описаны критерии «знания», освобождения от ответственности и соответствующие последствия распоряжения без полномочий либо согласия.

В-четвертых, в общих чертах сформулировать правило российского законодательства о разграничении ничтожных и оспоримых сделок, в основе которых лежит распоряжение без полномочий или согласия, можно следующим образом: есть сговор – сделка ничтожна, нет сговора (одна сторона не знала, имела лишь подозрения) – сделка оспорима. В качестве критерия сговора между «агентом» и третьим лицом следует закрепить требование обеспечить незнание «принципала» о заключаемой «агентом» с третьим лицом сделки. Нет сговора тогда, когда знание неотчетливо, у субъектов нет общей уверенности в своем единообразном «знании». Феномен «знания» следовало бы разработать именно в таком ключе, а затем закрепить его критерии в российском законодательстве.

Литература:

1. *Овчинников А. А.* Совершение действий органом юридического лица с превышением полномочий как основание признания сделки недействительной // Юстиция. 2016. № 1.
2. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.02.2016 № Ф06-22439/2013 по делу № А55-10028/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2017 № 07АП-4843/2017 по делу № А45-5390/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
4. *Белов В. А.* «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 53–90.
5. *Эрделевский А. М.* За пределами полномочий. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
6. *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431 с.
7. *Эрделевский А. М.* О некоторых вопросах неосновательного обогащения, не подлежащего возврату // Хозяйство и право. 2016. № 11. С. 74–81.
8. Определение Верховного Суда РФ от 13.01.2017 № 306-ЭС16-18850 по делу № А65-11386/2015. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
9. Проблема недействительности сделок, совершенных лжедиректором [электронный ресурс]. URL: http://www.arbitr.ru/press-centr/smi/93271.html (дата обращения 24.10.2017).
10. *Касаткин С. Н.* Согласие в гражданском праве РФ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2014. 26 с.
11. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 // Российская газета. 2015.
12. Charlesworth's Business Law / Лондон: Sweet & Maxwell, 1991. 766 с.

References:

1. *Ovchinnikov A. A.* Execution of actions by a body of a legal entity with excess of authority as the basis for recognizing the transaction as invalid // Justice. 2016. № 1.
2. Ordinance of the Arbitration Court of the Volga Region Circuit № F06-22439 / 2013 of 19.02.2016 in case № A55-10028 / 2014. The document was not published. Access from ref.-legal system "ConsultantPlus".
3. The decision of the Seventh Arbitration Appeal Court of 18 July 2017 № 07AP-4843/2017 in case № A45-5390 / 2016. The document was not published. Access from ref.-legal system "ConsultantPlus".
4. *Belov V. A.* "Twenty-fifth" Resolution of the Plenum: interpretation or ... legislation? // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2015. № 11. P. 53–90.
5. *Erdelyovsky A. M.* Beyond authority. The document was not published. Access from ref.-legal system "ConsultantPlus".
6. *Vitryansky V.* Reform of Russian civil legislation: interim results. M.: Statute, 2016. 431 p.
7. *Erdelyovsky A. M.* On some issues of unjust enrichment, not subject to return, // Economy and law. 2016. № 11. P. 74–81.
8. The definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.01.2017 № 306-ES16-18850 in case № A65-11386 / 2015. The document was not published. Access from rights. system "ConsultantPlus".
9. The problem of invalidity of transactions committed by a false director [e-resource]. URL: http://www.arbitr.ru/press-centr/smi/93271.html (date of reference 24.10.2017).
10. *Kasatkin S. N.* Consent in civil law of the Russian Federation: the dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2014. 26 p.
11. On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 June 2015 № 25 // Rossiyskaya Gazeta. 2015.
12. Charlesworth's Business Law / London: Sweet & Maxwell, 1991. 766 p.

Литература:

13. *Creifelds C.* Rechtswörterbuch. Мюнхен, 2000. 1661 с.
14. Постановление ФАС Арбитражного суда Поволжского округа от 28.02.2012 по делу №. А49-2459/2010. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
15. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.07.2016 № Ф03-2326/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
16. Комментарий к § 16 Закона ФРГ о ГмбХ [электронный ресурс]. URL: http://gmbhg.kommentar.de/Abschnitt-2/Rechtsstellung-bei-Wechsel-der-Gesellschafter-oder-Veraenderung-des-Umfangs-ihrer-Beteiligung-Erwerb-vom-Nichtberechtigten. (дата обращения 24.10.2017).
17. *Дятлов Е. В.* Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2014. 28 с.
18. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.08.2014 № Ф07-5408/2013 по делу № А56-56087/2012. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
19. О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью: Постановление Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 года №28 // Вестник ВАС РФ. 2014. №6.
20. Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2016 №305-ЭС15-16796. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

13. *Creifelds C.* Rechtswörterbuch. Munich, 2000. 1661 p.
14. Decision of the FAS of the Arbitration Court of the Volga Region on 28.02.2012 in case № A49-2459 / 2010. The document was not published. Access from ref.-legal system “ConsultantPlus”.
15. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 04.07.2016 № Ф03-2326 / 2016. The document was not published. Access from ref.-legal system “ConsultantPlus”.
16. Commentary to § 16 of the German Federal Law on Germany [e-resource]. URL: http://gmbhg.kommentar.de/Abschnitt-2/Rechtsstellung-bei-Wechsel-der-Gesellschafter-oder-Veraenderung-des-Umfangs-ihrer-Beteiligung-Erwerb-vom-Nichtberechtigten (date of reference 24.10.2017).
17. *Dyatlov E. V.* The consent of third parties to the transaction in civil law: the author’s abstract of the thesis for the degree of candidate of legal sciences. M., 2014. 28 p.
18. Decree of the Arbitration Court of the North-Western District dated 27.08.2014 № F07-5408 / 2013 in case № A56-56087 / 2012. The document was not published. Access from ref.-legal system “ConsultantPlus”.
19. On some issues related to challenging major transactions and related party transactions: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 16 May 2014 №28 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. №6.
20. The definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 May 2016 №305-ES15-16796. The document was not published. Access from ref.-legal system “ConsultantPlus”.